

**ТОМ
IX**

**В. А. ЖУКОВСКИЙ
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ**

В. А. ЖУКОВСКИЙ

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ**

ТОМ ДЕВЯТЫЙ

**ДОН КИШОТ ЛАМАНХСКИЙ.
СОЧИНЕНИЕ СЕРВАНТА.
ПЕРЕВЕДЕНО С ФЛОРИАНОВА
ФРАНЦУЗСКОГО ПЕРЕВОДА
В. ЖУКОВСКИМ**

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8
Ж 86

Томский государственный университет

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 120416046

Жуковский В. А.

Ж 86 Полное собрание сочинений и писем: В двадцати томах / Ред. коллегия: И. А. Айзикова, Э. М. Жиликова, О. Б. Лебедева, И. А. Поплавская, Н. Б. Реморова, А. С. Янушкевич (гл. редактор). — Т. 9. Дон Кишот Ламанхский. Сочинение Серванта. Переведено с Флорианова французского перевода В. Жуковским / Ред. И. А. Айзикова. — М.: Языки славянской культуры, 2012. — 536 с., ил.

ISBN 978-5-9551-0613-7

Полное собрание сочинений В. А. Жуковского впервые в эдиционной практике представляет наследие великого русского поэта в максимально полном на сегодняшний день объеме. Тексты Жуковского даны на основе критического осмысления всех известных автографов поэта и прижизненных публикаций.

Том 9 содержит перевод романа М. де Сервантеса Сааведры «Хитроумный идалго Дон Кихот Ламанхский», сделанный В. А. Жуковским в 1803—1806 гг. с французского перевода Ж. К. П. Флориана.

ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8

*На фронтисписе:
В. А. Жуковский. Копия А. А. Воейковой
с миниатюры работы К. Зенфа (?). 1820 г. Орел*

ISBN 978-5-9551-0613-7

9 785955 106137 >

© И. А. Айзикова. Редакция тома 9, 2012
© В. Е. Багно. Статья, 2012
© Языки славянской культуры, оригинал-макет, 2012

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ОТ СОЧИНТЕЛЯ⁵⁹

Праздный читатель! Желаю, чтобы моя книга показалась тебе лучше, приятнее и совершеннее всех книг на свете; но не все то делается, чего желаем! К несчастью, ты сам не хуже меня знаешь, что в творениях виден творец. Чего ожидать от непросвещенного ума моего? Чего, кроме странного, несвязного и наполненного бреднями, не приходившими до сих пор никому в голову? Притом же я пишу в тюрьме*; а это место не воспламеняет воображения⁶⁰. Картина природы, светлое небо, шумящие ручьи, спокойная душа могут разгорячить самую холодную Музу — как счастлив тот, кто не лишен сих наслаждений!

Часто родительская любовь так ослепляет родителя, что он и самые недостатки детей своих почитает совершенствами. «Дон Кишот» не мое дитя, он только мой приемыш, и я, любезный читатель, не требую твоей благосклонности; суди его, как хочешь, хвали, брани: за правду наказан не будешь!

Я бы только желал избавить тебя от прологов, от предисловий, от введений, сего ненужного вранья, без которого ни один автор обойтись не может; и лень моя была со мною согласна — признаюсь откровенно, для меня труднее написать предисловие к книге, чем самую книгу; я не знал, с чего начать, что говорить — бумага лежала предо мною; опершись на левую руку, сидел я за письменным столиком и грыз перо с досады, как вдруг пришел ко мне один мой приятель, человек умный, любезный, и спросил, о чем я задумался?

— О проклятом предисловии! — отвечал я. — Неужели «Дон Кишоту» без него в свет показаться? Что скажет публика, этот старый критик, если я, молчавши так долго⁶¹, на старости лет подам ей скучную книгу без предисловия, без ученых примечаний, без выносок на полях? Загляни в новейшие сочинения — все наполнены преважными выписками!⁶² Их авторы перечитали столько древних философов, что

* *Сервант начал писать «Дон Кишота» в тюрьме.*

принуждены сделать им азбучную роспись⁶³, которая простирается от Аристотеля до Ксенофонта и Зенона⁶⁴. Вот чему дивится читатель! Вот в чем видна ученость и начитанность писателей наших! Вдобавок, следуя примеру их, надлежало бы мне, после заглавия книги, напечатать несколько сонетов, сочиненных в мою честь какими-нибудь маркизами, прелатами, знатными дамами, славными стихотворцами. Но, по несчастию, ничего этого не имею и почти решился, мой любезный друг, скорее зарыть господина «Дон Кишота» в ламанхские архивы, нежели выдать его в свет без сих необходимых украшений, которых я, невежа⁶⁵, никак не могу найти для него! Вот об чем я задумался!

Знакомец мой, выслушав меня, засмеялся.

— Признаюсь, — сказал он, — я почитал тебя рассудительным человеком. Возможно ли, с твоим умом, останавливаться за такую безделкою? Послушай меня, я постараюсь уничтожить все затруднения!

Ты хочешь поместить в начале своей книги несколько сонетов, сочиненных известными людьми в похвалу твою — напиши их сам⁶⁶ и поставь, какие хочешь, имена под ними, например: имя императора Требизондского⁶⁷, имя короля Артуса!⁶⁸ Они — знатные господа; а я готов уверять всех, что они и стихотворцы славные. Если ж какой-нибудь педант вздумает уличать нас — не беспокойся! Правосудие в такие дела не вступается! Ты хочешь удивить читателя, украсив белые поля своей книги выписками, замечаниями, ссылками на новейших писателей? Это не так трудно, как воображаешь, стоит выучить наизусть несколько латинских стихов, несколько сентенций, разбросать их в предисловии, куда ни попало, и все кончено! Таким образом, найдешь случай упомянуть и о Гомере и Горации, и о Виргилии и о Святых Отцах и даже о новейших авторах. Также мало стоит доказать начитанность и глубокие сведения! Спиши, как можно вернее, имена всех древних, вели напечатать их крупными литерами в конце книги своей, и уверяю тебя, много людей найдется, которые станут думать, что ты перечитал их раз по десяти и всех наизусть знаешь. Таким способом за ничто купишь имя ученого человека!

Впрочем, не скажу, чтобы все это было необходимо: ты пишешь сатиру на рыцарские романы, а я не помню, чтобы Платон или Святой Василий⁶⁹ когда-нибудь говорили об них. Философам, риторам, геометрам, теологам нет нужды до ваших бредней. Может быть, для тебя было бы довольно подражать в точности тому, что ты осмеять хочешь⁷⁰; описывать чистым, гармоническим, непринужденным слогом новые и забавные происшествия; изображать для глаз то, что ты говоришь, и выражать ясно, что мыслишь. Сие достоинство маловажно — соглашайся! Но дело твое — занимать своею повестью: веселить меланхолика,

нравиться веселому, не скучать невежде, привлекать внимание просвещенного, а больше всего не терять из виду намерения осмеять рыцарские романы; когда ты в нем успеешь, то время твое не пропало.

Я слушал с величайшим вниманием своего друга; слова его просветили меня, и я решился пересказать их читателю. Радуйся, любезный читатель! Я не буду мучить терпения твоего ни предисловием, ни прологом, ни вступлением. Читай историю славного Дон Кишота Ламанхского, и если можешь, не зевай за нею! Не хочу хвалиться тем, что знакомя тебя с сим героем, достойным всех почестей, но думаю, что ты поблаговаришь меня за его знаменитого оруженосца Санхо Пансу, которого по справедливости можно назвать самым любезным, верным и простодушным из оруженосцев, описанных в рыцарских романах наших.

Прости, читатель, Бог с тобою! Не забывай Серванта!

ГЛАВА I

Характер и упреждения славного Дон Кишота

В какой-то Ламанхской деревне⁷¹, которой имя ни для меня, ни для читателя не важно*, жил недавно один дворянин⁷². Все его богатство заключалось в старом копье, покрытом ржавчиною, щите, тощей кляче и борзой собаке. Похлебка (чаще с коровьим мясом, нежели с бараниною⁷³), окрошка за ужином, яичница по субботам, чечевица по пятницам и жареные голубята по воскресеньям⁷⁴ уносили три четверти годового дохода его. Остатком платил он за свой казакин⁷⁵ из тонкого сукна, за бархатные исподницы⁷⁶ и туфли для праздничных дней и байковый кафтан для будних. В доме его жили с ним управительница сорока лет, племянница двадцати и слуга, который отправлял три должности: смотрел за домом, был конюхом и садовником. Герой наш имел уже около пятидесяти лет от роду⁷⁷, был силен, здоров, сух телом, худощав лицом, вставал рано и любил охоту страстно. Думают, что его настоящее имя было Киксада или Кезада⁷⁸, авторы в этом не согласны; всего вероятнее, что он назывался Киксаною. Впрочем, какое дело до имени? Важны происшествия!

Праздное время свое, то есть три четверти дня, дворянин наш посвящал чтению рыцарских романов, которые так его занимали, что он, с книгою в руках, забывал и охоту, и домашние дела свои. Сия страсть, наконец, усилилась до такой степени, что он, продавши большую часть своего поместья, составил огромную библиотеку из любимых книг своих, между которыми отлично нравились ему творения славного Фелициана де Сильвы⁷⁹. Сия чистая и легкая проза, в которой почти никогда не было толку, приводила в изумление и восхищала нашего героя. Правда, он часто досадовал на себя за то, что не все понимал в ней, и ломал свою бедную голову, стараясь найти смысл там, где и сам Аристотель не нашел бы никакого. Он не мог не удивляться ранам, которые давал и получал Дон Белианис⁸⁰, и думал, что, несмотря на все искусство лекарей, надлежало страшным рубцам оставаться на теле; но все прощал автору для сего неокончимого происшествия⁸¹, которое

* В этой деревне Сервант был посажен в тюрьму.

обещает он рассказать, кончив свою книгу. Часто наш дворянин хотел взять в руки перо и довершить сие превосходное творение, но, по несчастию, не достало ему на то времени.

Он нередко ссорился с деревенским священником — знающим человеком, произведенным в Сигиюнсе⁸², — за Пальмереня⁸³ и Амадиса⁸⁴. Николас, цирюльник того места, открыто стоял за Рыцаря Солнца⁸⁵ и Галаора, брата Амадисова, который был довольно сговорчив и не так слезлив, как плакса его братец⁸⁶. Одним словом, рыцарство ни на минуту не выходило из мыслей героя нашего. Наконец беспрестанное чтение и бессонница иссушили его мозг — он потерял рассудок; его расстроенное воображение было наполнено поединками, волшебствами, любовными

нежностями и муками, словом, всеми бреднями, какие находил он в своих книгах. Он нимало не сомневался в истине описываемых происшествий и с величайшею важностию говорил, что Сид Рюи Диас, хотя, впрочем, хороший воин, ничего не значил перед Рыцарем Пламенного меча, который одним махом перерубал по два исполина вдруг⁸⁷. Он еще выше ставил Бернара де Карпио, который одолел очарованного Роланда, как Геркулес Антея⁸⁸. И великий Моргант⁸⁹ не был ему противен. Он находил в нем довольно образованности для великана. Но его любимец, его сердечный друг был Ренод Монтобанский⁹⁰; он восхищался, видя, как он храбрился на больших дорогах и пугал путешественников! Он так любил сего героя, что с величайшею радостью уступил бы управительницу и с племянницею, лишь бы только обрубить уши изменнику Ганелону⁹¹.

Вдруг пришла ему в голову странная, сумасбродная мысль: вздумал, что ничто не будет так прекрасно, не принесет ему такой чести, отечеству его такой пользы, как возобновление странствующего рыцарства, и решился, вооружась наподобие древних паладинов, сесть на коня,

*Его расстроенное воображение было
наполнено поединками, волшебствами
и проч.*

искать приключений и, на дороге, наказывать преступников, устрашать несправедливых. Бедняк почитал себя уже обладателем Требизондской Империи! — Что вздумано, то и сделано! Выкопал старые свои оружия, покрытые ржавчиною и брошенные в угол его прадедом; вычистил их, как надобно, исправил, сколько мог; но к своей горести, увидел, что не доставало ему половины шлема. Прибегнул к искусству, заклеил сию половину картоном и кое-как смастерил нечто, подобное шлему; желая, однако ж, испытать его прочность, обнажил палаш и одним ударом разрушил свою работу, стойвшую ему целой недели. Такая ломкость в шишаке⁹² ему не понравилась. Он снова начал трудиться и в этот раз прикрепил картон снизу железными полосками, от чего стал он держаться крепче. Радуюсь выдумке, не желая больше делать опытов, он поздравил себя с хорошим оружием. Потом пошел в конюшню посмотреть на коня своего, и хотя бедная кляча была не иное что, как живой скелет, но показалась герою нашему лучше Александра Буцефала и Сидова Бабиесы⁹³. Четыре дни думали, как бы назвать ее получше, и, правду сказать, не шутка выдумать имя, которому надлежало некогда греметь в мире и прославляться потомством! Наконец, думав, думав, наш рыцарь окрестил коня *Рыжаком* — имя, по его мнению, приятное, звонкое и многозначашее. Оставалось переменить свое! Еще неделя размышлений! И дворянин Киксана сделался Дон Кишотом⁹⁴ Ламанхским, в подражание Амадису, который, по месту рождения своего, назывался Гальским.

Итак, оружия готовы, полшлема из картона, конь и рыцарь с именем — не доставало главного — красавицы, пленившей геройское сердце. Рыцарь без любви то же, что дерево без плодов и без листьев, что тело без души!

— Если по грехам моим, — думал наш витязь, — или лучше сказать, по моему счастью, попадется мне навстречу великан (что почти всякий день случается), и если я, с первого удара, сшибу его с ног, обрежу ему нос, уши, распорю брюхо и принужу сдаться, то как не послать его к красавице, владеющей моим сердцем! Он явился бы перед лицо ее и, став на одно колено, сказал униженным голосом: «Государыня! Исполн Каракулиамбро⁹⁵, царь острова Малиндрании, пред тобою! Знаменитый рыцарь, которого слава оглушает мир, Дон Кишот Ламанхский, победив меня на поединке необычайном, повелел повергнуться ко стопам твоего величия и быть слепым исполнителем воли твоей!»

Герой наш задумался, приставил палец ко лбу и начал искать в голове любовницы! Утверждают, что он когда-то был влюблен в одну миловидную крестьянку, из соседней деревни, по имени Альдонца Лоренцо⁹⁶, которая совсем не знала, или лучше сказать, не думала

о любви его; ее-то выбрал он своею богинею; оставалась безделица: дать ей имя, приличное принцессе; герой провел еще неделю в размышлениях и наконец окрестил ее *Дульцинею Тобозскою*⁹⁷.

ГЛАВА II

Первый выезд Дон Кишота

Наш дворянин, снабдив себя необходимым, не хотел откладывать исполнения великого своего предприятия. Всякую минуту без действия почитал он похищением у славы и горел желанием вступить в свое поприще. В одно утро, до рассвету, в самую жаркую пору июля, не показавшись никому, не сказав ни слова домашним, он надевает на себя латы, садится на Рыжака, и с копьем в руке, с щитом на плече, опустив картонный наличник, выезжает в задние ворота на чистое поле. Дивясь и радуясь, что при начале такого важного дела не встретилось ему никаких препятствий, он вдруг приходит в замешательство, вспомнив, что еще не посвящен в рыцари, что законами запрещалось ему сражаться по тех пор, покуда не получит ордена и не будет носить, по обычаю, белого панциря и щита⁹⁸ без девиза. Эта ужасная мысль не давала ему покоя; но скоро нашел он утешение: решился, по примеру многих романических знакомцев своих, выбрать первого, кто попадется навстречу, своим посвятителем; а латы, в короткое время, надеялся полировкой сделать из ржавых белыми. Нет больше препятствий! Рыцарь дал волю коню идти, куда ему хотелось, надеясь, что приключения сами встретаться будут.

Между тем новый наш паладин дорогою беседовал сам с собою:

— В будущих веках, — говорил он, — когда выйдет в свет история моих подвигов, то, без сомнения, начнется так: едва бог света рассыпал по земле золотые кудри сияющих власов своих; едва певцы воздуха, в пестрой пернатой одежде, начали торжествовать согласными гимнами явления прелестной Авроры, которая, покинув ложе дряхлого Титона⁹⁹, летела, бросая розы на горизонт Ламанхский, как мужественный Дон Кишот, враг неги и сна, воссел на Рыжака, славного коня своего, и явился на древней Монтиелской равнине¹⁰⁰. Век счастливый, — продолжал он, — блаженное потомство! Вы будете восхищаться, читая повесть о подвигах, достойных сиять на бронзе, в пример грядущим поколениям! А ты — кто бы ни был — мудрый очарователь, который удостоишься быть певцом моих деяний¹⁰¹, не забудь, не забудь Рыжака, верного коня моего, неутомимого в трудах, мужественного в опасностях и достойного славы и гимнов! А ты, прелестная

*Век счастливый, блаженное потомство!
Вы будете восхищаться, читая повесть
о подвигах, достойных сиять на бронзе.*

Дульцинея, великая принцесса, богиня любви моей! Ты растерзала бедное сердце мое несправедливым гневом своим, страшным запрещением являться на глаза твои! Ах! По крайней мере, не забудь несчастного, который гоним тобою, который страдает в разлуке и любит тебя, жестокая красавица!

Так, декламируя пышным языком романов, тащился он медленно по дороге на тощем Рыжаке. Солнце пылало над головой его и, конечно, растопило бы в ней мозг, когда бы хотя немного мозга в ней осталось! Рыцарь ехал целый день. Никто с ним не встречался. Некоторые писатели к сему времени относят приключение с ветряными мельницами, но они ошибаются; по многим старательным розыскам, я полагаю наверно, что в этот день с ним ничего не слу-

чилось и что ввечеру он и его лошадь, умирая с голоду, остановились, никого не встретив. Осматриваясь во все стороны, ища глазами какого-нибудь замка или хотя пастушей хижины для ночлега, он увидел постоянный двор, и благодаря небо за такое счастье, поспешил к нему подъехать.

Случилось, что две молодые девушки были тогда у ворот постоянного двора, в котором остановились с севильскими погонщиками мулов. Дон Кишот, который везде находил одно то, что читал, увидя гостиницу, не преминул почесть ее великолепным замком с глубокими рвами, подъемными мостами, башнями и серебряными зубцами на ограде, словом, со всеми украшениями романов. Он приблизился к мнимому замку, и остановясь в недалеком от него расстоянии, ожидал, чтобы карло¹⁰² явился на башне и в рог дал знать о прибытии рыцаря. Но так как карло не являлся, а Рыжак с нетерпением просился в конюшню, то герой наш без церемонии подъехал к воротам, у которых стояли две девушки. Он принял их за девиц знатного рода, гулявших на чистом воздухе перед своим замком. В ту минуту зазвучал рожок пастуха, сбиравшего свое

стадо; наш рыцарь не сомневался, чтобы то не был карло, и с учтивостию поклонился обоим принцессам.

— Не беспокойтесь, — сказал он им, выставя из-под картонного наличника сухое и пылью покрытое лицо свое, — не беспокойтесь, сударыни; я знаю законы рыцарства и повинуюсь им; мой долг быть учтивым перед всеми, особливо перед вами, почтенные красавицы!

Девушки в удивлении тарасили на него глаза; слово *почтенные красавицы* показалось им странным — они засмеялись.

— Государыни мои, — прибавил герой с досадою, — вы прекрасны, соглашаюсь, но сего не довольно. Красота любит скромность и не терпит насмешливости! Простите, что подаю вам советы: доказательство, что сердечно желаю быть вам полезным!

Такой тон и чудный вид рыцаря пуще рассмешили девушек; Дон Кишот терял терпение, но, к счастью, пришел трактирщик. Этот человек — толстый андалузец, из местечка Сан-Люкар¹⁰³ — был ужасный весельчак и великий искусник на выдумки. Он сам едва не засмеялся, увидя вооруженного гостя, но, подумав, что, может быть, он шуток не любит, решился обойтись с ним учтиво.

— Благородный рыцарь, — сказал он, — если вам угодно провести ночь в моем доме, то вы найдете в нем все, кроме постели — этой безделки никогда не заводил!

Дон Кишот, которому нравилась учтивость алькада¹⁰⁴ крепости (трактирщик показался ему алькадом), поспешил отвечать ему:

— Почтенный повелитель сего замка, благодарю вас за гостеприимство; но лишнего не требую! Панцирь и меч — мое украшение, победы — мой покой!

— А! Если так, — перервал трактирщик, удивленный, что его называли почтенным повелителем замка, — и если угодно вам не спать целую ночь, то уверяю смело, что в замке мое желание ваше, как нельзя лучше, исполнится.

С сими словами побежал он к Дон Кишоту и почтительно принял его стремя; рыцарь с трудом слез с коня: постившись целый день, он ослабел от голода.

Первое старание Дон Кишота было успокоить Рыжака; он просил хозяина взять его под свое покровительство, уверяя, что в целом свете нет ему подобного. Взгляд на Рыжака разуверил трактирщика; он отвел его в конюшню и, возвратясь к Дон Кишоту, увидел, что принцессы, с которыми он уже помирился, его раздевали. Панцирь был уже снят, но шлем и нагрудник, плотно зашнурованные зелеными ленточками, не снимались: надлежало разрезывать узлы; рыцарь на то не соглашался и лучше хотел провести всю ночь в своем шлеме, что представляло самое

чудное и смешное зрелище. Но между тем как его раздевали, он, тронутый услугами красавиц, сказал им нежным голосом:

*Кто счастливее в подсолнечной
Дон Кишота и коня его! —
Позавидуйте мне, рыцари!
Здесь прелестным я красавицам
Отдаю свои оружия!
Здесь прелестные красавицы
О коне моем заботятся!¹⁰⁵ —*

Зовут его Рыжаком, принцессы — сказать ли вам правду? Я сперва не хотел вам открыть своего имени; ожидал, что вы по слуху узнаете во мне Дон Кишота Ламанхского; но признаюсь, не утерпел, чтобы не напомнить вам при сем случае старинного романа о Ланселоте¹⁰⁶. Извините только, что переменял имя, и верьте, что моя благодарность и рука в ваших услугах.

Девушки ничего не отвечали на такие приветствия. Наконец спросили, не хотел ли рыцарь кушать. Рыцарь признался, что еще не обедал; но, по несчастью, тогда была пятница, и в трактире нельзя было достать ничего, кроме протухлой трески, годной разве для одних погонщиков. Хозяин важно спросил у Дон Кишота, охотник ли он до морской рыбы?

— Великий охотник! — отвечал рыцарь, и накрытый стол явился у ворот трактира. Скоро явилась на нем и треска с черным хлебом, который был старше и тверже лат нашего героя.

Когда Дон Кишот хотел отведать хваленой морской рыбы, то нагрудник помешал ему поднести руку ко рту — одна из девушек принуждена была кормить его. Когда ж черед пришел пить, то картонный наличник так его запутал, что он никогда бы не напился, если б трактирщик не вздумал продолбить тростниковой трости и таким образом не впустил вина в рот его. Рыцарь все переносил с удивительным терпением, жалея зеленых лент своих; одна только мысль, что он еще не прямой рыцарь, беспокоила его душу.

ГЛАВА III

Герой наш посвящен в рыцари

Мучимый сею мыслию, Дон Кишот сокращает свой ужин, встает, кличет трактирщика, запирается с ним в конюшню и, бросаясь на колена, говорит ему:

— Знаменитый рыцарь! Ожидаю от вас благодеяния и надеюсь, что не получу отказа.

Трактирщик изумился, увидя его на коленях перед собою, и слышасию чудную просьбу, он старался поднять рыцаря. Но видя, что усилия тщетны, обещал удовлетворить его желанию.

— Я сего и надеялся от великодушия вашего! — вскричал Дон Кишот. — Исполнив просьбу мою, прославите самого себя и принесете пользу миру.

— В чем же состоит ваша просьба, рыцарь?

— Позвольте мне провести ночь на страже оружий в церкви вашего замка, а на рассвете дня поздравьте меня рыцарем. Я хочу объездить все четыре части света и быть защитою слабых и угнетенных, по примеру странствующих рыцарей, в число которых горю быть принят.

Трактирщик, сказали мы, был весельчак и выдумщик. При первом взгляде на Дон Кишота почел его безумным; последние слова рыцаря уничтожили все сомнения. Желая повеселиться¹⁰⁷, отвечал он важно:

— Рыцарь, такое благородное желание достойно великой души вашей! Никто лучше меня удовлетворить ему не может. Я сам был рыцарем в молодых своих летах; я сам обошел весь мир, ища славы на рынках Севиллы, Валенции, Сеговии, в предместьях Малаги¹⁰⁸, в публичных садах, на биржах, одним словом, везде, где только имел какое-нибудь дело; молодые девушки и вдовы были главным предметом моих подвигов, и скажу не хвалясь, почти все испанские суды наградили меня за это по достоинству. На старости лет переехал я в свой замок, живу в нем спокойно своими и чужими деньгами; люблю принимать к себе странствующих рыцарей, какого бы они звания ни были, и еще больше люблю избавлять их кошельки от лишних тягостей, которые бы могли без нужды обременять их. Скажу вам, что в моем замке теперь церкви нет: я сломал ее и хочу построить новую, нынешнего вкуса; но легко можно и без нее обойтись! Мой двор велик, просторен; вы найдете в нем все, что нужно для стражи оружий, а завтра поутру исполним другие церемонии; завтра вы будете рыцарем по форме; рыцарем, какого, надеюсь, никогда не бывало в мире до сего времени. Осталось вам объяснить одно обстоятельство, для меня весьма интересное: есть ли у вас деньги?

— Можно ли об этом спрашивать? Конечно, нет! Ни в одной книге не сказано, чтобы рыцари возили с собою этот низкий металл!

— Ошибаетесь, рыцарь. Историкам не для чего было говорить об этом; и без них мы знаем, что рыцарям нельзя не иметь такой нужной вещи, каковы деньги. Могу вас уверить, что кошелек их набивался туго, что с ними всегда было чистое белье и коробочка с мазью для

исцеления ран, получаемых на поединках. Признайтесь сами, не всегда могли они надеяться, чтобы после всякого жестокого сражения прилетала к ним красавица или карло на золотом облаке с волшебною водою, которой бы одна капля исцеляла их в минуту. Итак, для осторожности имели они при себе оруженосцев, у которых хранились мази, перевязка и деньги. В противном же случае, то есть, когда с ними оруженосцев не случалось, чему, однако ж, мало примеров, пожитки свои укладывали они в маленький чемодан, под седлом неприметный, и который только в таких случаях им иметь позволялось. Итак, повелеваю вам, как своему рыцарскому сыну, не ездить никогда без денег; сами увидите, что при них и вам, и другим будет гораздо лучше.

Дон Кишот обещал его послушаться. Спеша начать свое бдение, он пошел взять оружия, отнес их на средину двора и положил на корыто подле колодца, вооружился одним щитом, копьем и начал расхаживать взад и вперед у корыта. Луна во всей полноте сияла на чистом небе. Жители трактира, которым хозяин описал нашего рыцаря, собрались и смотрели на него издали. Дон Кишот, не обращая на них внимания, продолжал гулять, иногда опирался на копье и с видом гордым и спокойным поглядывал на оружия.

В трактире — сказывали мы — остановились севильские погонщики. Одному из них понадобилось напоить своих мулов, и он подошел к корыту, чтобы снять оружия. Дон Кишот, увидя его подходящего, закричал страшным голосом:

— Дерзкий рыцарь, кто бы ты ни был, не смей коснуться к сим оружием! Они принадлежат храбрейшему из носящих меч. Ты смертию заплатишь за свое дерзновение!

Погонщик, пренебрегая угрозы паладина, бросил его латы на землю. Дон Кишот рассердился, поднял глаза к небу и закричал:

— О Дульцинея, владычица души моей, не оставь, при сей первой опасности, рыцаря, твоего невольника! Удвой силу наказующей руки его!

С сими словами бросает он щит, хватает копье в обе руки и так сильно устремляет его в голову погонщика, что он без памяти падает на землю; потом подымает оружия, хладнокровно кладет их опять на корыто и снова начинает расхаживать.

Чрез минуту другой погонщик, не зная, не ведая о приключении товарища, который лежал без всякого чувства, приходит к корыту с своими мулами и сбрасывает оружия. В этот раз Дон Кишот, не говоря ни слова и не обращаясь к Дульцинее, поднимает копье, и обломив его об голову погонщика, во многих местах ее ранит. Трактирщик с людьми сбегаются к рыцарю, который, закрывшись щитом, кричит во все горло:

— Богиня красоты, подпора и сила души моей, оживи меня одним взором в гибельном подвиге!

Сказав это, почувствовал он в себе такое мужество, с которым бы все погонщики в мире не принудили его на шаг отступить. Товарищи раненых начали подбирать камни и пускать их в нашего паладина. Трактирщик, надрываясь, кричал им, что он безумный, что он их всех перебьет. Дон Кишот кричал еще громче, что они трусы, изменники, что сам владеец замка — худой рыцарь, потому что терпит в доме своем такие нахальства, что он накажет его, как скоро получит орден рыцарский.

— Но вы, недостойные, — продолжал он, обращаясь к погонщикам, — придите, приблизьтесь; вы получите награду за свое бесчинство!

Он произнес последние слова таким грозным голосом, что погонщики решились послушаться хозяина. Они перестали бросать камни; подняли раненых, и Дон Кишот опять начал свою прогулку с прежним хладнокровием; трактирщик, который перестал смеяться его рыцарским шуткам, вздумал их кончить, давши ему, как можно скорее, бедственный орден. Он подошел к рыцарю, просил его успокоиться, извинить грубиянов, которых он наказал; уверял, что все произошло без его ведома, и прибавил, что, кончив свое бдение, которому не должно более двух часов продолжаться, он может, за неимением церкви, во всяком другом месте получить удар меча по спине — единственный обряд, употребляемый при посвящении.

Дон Кишот поверил без труда и просил его скорее кончить.

— Как скоро получу, — продолжал он, — орден рыцарства, то горе обитателям замка, если они опять осмелятся оскорбить меня.

Сие подтверждение было не нужно. Трактирщик сыскал свою расходную книгу, в которой записывал сено и овес, и сопровождаемый престелницами, о которых сказано выше, и мальчиком, несшим перед ним зажженный огарок, пришел к Дон Кишоту и поставил его на колена перед собою. Смотря в книгу и бормоча невнятные слова сквозь зубы, поднял он руку, ударил крепко по шее Дон Кишота и, не останавливаясь, повторил удар мечом по спине его. Одна из девиц, которым, чтобы не смеяться, стоило только вспомнить подвиги рыцаря, опоясала его мечом, а другая надела на него шпоры. Благодарный Дон Кишот хотел знать имена красавиц, чтобы прославить их вместе с собою. Скромные красавицы признались рыцарю, что одна из них была дочь простой чулочницы в Толеде и называлась *Толозой*¹⁰⁹, что другая, дочь мельника, не имела иного прозвания, кроме *Мельничихи*¹¹⁰, и что, наконец, они везде и всегда готовы служить рыцарю. Дон Кишот сказал им несколько учтивых комплиментов и просил, из любви к нему, вперед называться *доннами*¹¹¹: *донною Толозой*, *донною Мельничихой*.

Обряды кончились, и новый рыцарь, который нетерпеливо желал приключений, кинулся наряжать Рыжака, сел на него, и обняв с седла трактирщика, наговорил ему столько странных и отборных приветствий, что мы не в состоянии переговорить всего читателю. Хозяин, которому крайне хотелось сбыть с рук неугомонного гостя, отвечал короче, но также пышно и отпустил его с радостью, не требуя ничего за постой и угощенье.

ГЛАВА IV

Приключения нашего рыцаря по выезде его из трактира

Заря занималась, герой наш был так рад получению рыцарства, что едва на седле не прыгал. Следуя советам трактирщика, решился он воротиться домой, запастись деньгами, рубашками и взять с собой оруженосца. Он уже в мыслях выбрал одного знакомого земледельца, бедняка с детьми, который казался ему весьма способным для сей важной должности. С таким намерением поехал он по ламанхской дороге. Рыжак, будто угадав мысли своего господина, побежал так скоро, что едва копытами к земле прикасался.

Вдруг, в густоте леса, покинутого рыцарем вправо, послышались жалобные стоны.

— Какое счастье! — вскричал Дон Кишот. — Небо ныне же посылает мне случай исполнить святейший долг моего звания. Какой-нибудь угнетенный стоном своим требует помощи. Поспешим подать ее несчастному!

Он повертывает в лес и почти при самом въезде в него находит кобылу, привязанную к дереву, а немного дальше мальчика пятнадцати или шестнадцати лет, который по рукам и по ногам прикручен был ко пню дуба. Он-то кричал так громко, и не без причины. Земледелец, высокий и здоровый, сёк его ремнем и прибавлял ко всякому удару выговор или нравоучение.

— Не кричи, — приговаривал он, — слушайся моих советов и не будь оплошен!

Мученик отвечал:

— Вперед не буду, хозяин, право, не буду! Прости меня в последний раз; я стану лучше смотреть за стадом!

Увидев это, герой наш страшным голосом закричал на земледельца:

— Рыцарь низкий и жестокосердый, и ты не стыдишься поражать слабого, не имеющего защиты! Садись на коня, бери свое копье (он ука-

зал на длинную палку, лежавшую подле кобылы), ты узнаешь, сколь не достоин поступок твой благородного рыцаря.

Мужик, увидя сию длинную, вооруженную фигуру, струсил и отвечал с унижением:

— Почтенный рыцарь! Этот мальчик — слуга мой; а быю его за то, что худо смотрит за стадом и почти каждый день теряет по несколько овец. К тому ж, когда хочу наказать его за плутовство и несмотрение, он смеет говорить, что делаю это только для того, чтобы не заплатить ему денег. Но верьте Богу и моей совести! Бездельник лжет!

— Как, — вскричал Дон Кишот, — при мне смеешь говорить грубости и обличать его! При мне, великий Боже! Удивляюсь, как еще не умертвил тебя в гневе своем! Скорей отвяжи мальчика и заплати ему все — в минуту, или духу твоего не станет!

Земледелец потупил голову и, не говоря ни слова, отвязал мальчика, у которого Дон Кишот спросил, сколько должен ему хозяин?

— За девять месяцев, по семи реалов на каждый.

Рыцарь счел, что это составляло шестьдесят три реала¹¹², и приказал земледецу отсчитывать их в ту ж минуту, если он умереть не хотел. Бедняк, дрожа от страху, уверял, что был должен меньше, ибо надлежало вычесть две пары башмаков, сшитых им мальчику, и три раза кровопускания во время его болезни.

— Нет, — перехватил Дон Кишот, — это зачти ему за побои! Он изорвал башмаки твои — ты изорвал его кожу, цирюльник пустил ему кровь, чтобы его вылечить, а ты, чтобы его уморить! Одно другого стоит!

— Согласен! — отвечал с покорностью земледелец, — но здесь у меня денег нет; пускай Андрей¹¹³ зайдет на минуту ко мне, я оточту ему все реалы.

— Как бы не так! — закричал мальчик, — обманывай других! Поди с тобою! Ты не так еще меня изувечишь!

— Не бойся, мальчик! — перервал с важностию герой. — Он этого не сделает, я за него ручаюсь, если только поклянется рыцарским орденом, который на себе имеет, то сей час отпущу его, и ты верно получишь плату.

— Ах, сударь! — вскричал Андрей. — О ком вы говорите? Хозяин мой никогда не получал рыцарского ордена! Это Жуан Альдудо¹¹⁴, по прозванию богач; он живет близ Кинтанары.

— Что ж нужды? — сказал Дон Кишот. — Могут быть и Альдуды рыцарями! Всякое дело мастера боится!

— Ах! Боже мой, — прибавил Андрей печальным голосом, — не знаю, какое дело боится его, но знаю, что денег моих не заплатит! А я, кажется, их заслужил!

— Готов их заплатить, мой друг, — сказал тогда земледелец, — только, пожалуй, потрудись сходить ко мне на дом; я клянусь всеми рыцарскими орденами, сколько их ни есть на свете, что заплачу тебе с лихвою!

— Довольно! — перехватил Дон Кишот. — Верю твоим клятвам! И советую быть исправным; иначе не укроешься от меня и в самом аде! Узнай же теперь, кто говорит с тобою. Я — храбрый Дон Кишот Ламанхский, защитник слабых, гонитель злобных! Ты, я думаю, слышал обо мне! Прости, не забудь своей клятвы.

Он кольнул коня шпорами; конь встрепенулся и потащил рыцаря.

Земледелец долго смотрел за ним вслед — наконец, он скрылся.

— Ну, мой друг, — сказал он мальчику, — время с тобою расплатиться и выполнить приказание господина защитника угнетенных!

— Хорошо сделаешь! — отвечал Андрей. — В противном случае почтенный и добрый рыцарь, который нас оставил и которого награди Бог, принудит тебя сдержать слово.

— Кто ж в этом сомневается? — перехватил земледелец. — Но чтобы сделать тебе прибавку, не худо увеличить и долг.

С сими словами схватил он пастуха, привязал опять к дубу и высек гораздо большее прежнего.

— Ну, Андрей, — сказал он ему с насмешкою, — зови же своего защитника угнетенных! Мы посмотрим, как он теперь защитит тебя.

Отвязав Андрея, который сквозь слезы клялся найти Дон Кишота и рассказать ему все, земледелец позволил ему идти куда угодно, и они — один плача, другой смеясь — расстались.

Между тем герой наш, гордясь удачным вспоможением несчастному, продолжал путь свой и поздравлял себя с таким славным вступлением в рыцарское поприще.

— Благодарю судьбу свою, — говорил он вполголоса, — о прекраснейшая из красавиц, Дульцинея Тобозская! Радуйся, что пленила сего непобедимого рыцаря, который вчера только надел меч, как то вселенная знает, и уже ныне дал миру урок и спас робкого и невинного младенца от гонений жестокосердого.

Паладин, может быть, сказал бы весьма плодovitый панегирик своей храбрости, когда бы дорога не разделилась начетверо. Он остановился, но, вспомнив, что все рыцари в таких случаях оставляли выбор на волю коней своих, опустил повод, и Рыжак, не колеблясь, выбрал дорогу к своей конюшне. Не успел он пройти двух миль, как Дон Кишот увидел толпу верховых, к нему приближавшихся. Летописи говорят, что это были купцы из Толедо, ехавшие покупать шелк в Мурцию¹¹⁵.

Их было шесть, и каждый держал над головою зонтик от солнца; за ними следовали четверо слуг верхами и два конюха пешие.

Дон Кишот, вообразив, что ему предстояло великое приключение, вооружился мужеством, и богатая память его помогла ему выдумать, как поступить в таком случае.

Он выехал на средину дороги, принял вид гордый и важный, укрепился в стременах, приготовил копье, поднял щит, и как скоро приближилась толпа странствующих рыцарей — что же иное могли быть сии путешественники, — то закричал он гремящим голосом:

— Остановитесь все и признайтесь, что ни одна красавица в мире не может уподобиться императрице Ламанхской, несравненной Дульцинее Тобозской!

При сих словах, произнесенных чудною, смешною фигурою, купцы в изумлении остановились, и один из них, остроумный весельчак, подумав, что герой наш был немного помешан, захотел над ним позабавиться.

— Благородный рыцарь, — сказал он ему, — ни один из нас не знает принцессы, о которой вы говорите. Дайте нам ее видеть, и когда в самом деле она так хороша, как вы сказывали, то мы от чистого сердца с вами согласимся.

— Изрядно! — перехватил Дон Кишот. — Увидевши ее, натурально назовете прекрасною; но где же будет достоинство признания вашего? Важно то, чтобы, не выдав красавицы, вы говорили, утверждали, клялись и стояли в том, что она из всех прелестнейшая! Скорей соглашайтесь со мною или готовьтесь в бой, безумно гордые рыцари! Выходите или один на один, по законам благородного рыцарства, или все вдруг, по обычаю вам подобных; одной руки моей довольно для наказания вашего.

— Рыцарь! Удостоьте меня выслушать, — продолжал купец, — именем всех принцев, моих спутников, прошу вас не обременять лишним грехом нашей совести, принуждая клясться в том, чего совсем не знаем, и что еще может оскорбить императриц Эстрамадуры и Алькаррии!¹¹⁶ Согласитесь, почтенный рыцарь, показать нам хотя портрет вашей красавицы! Как бы он мал ни был, мы будем довольны! Мы уже столько предупреждены в ее пользу, что хотя бы она была крива, коса, хрома, горбата, готовы назвать ее прелестною!

— Бездельники! Бродяги! — закричал Дон Кишот вне себя от бешенства. — Она ни коса, ни крива, ни горбата! Ее глаза яснее светила небесного, стан прямее веретена Гвадаррамского!¹¹⁷ Ты жизнью заплатишь за твою дерзость и ругательства!

При сих словах, опустья копьё, скачет он прямо на оскорбителя, и когда б Рыжак не спотыкнулся, то насмешнику досталось бы за его насмешки. Но Рыжак лежал, растянувшись: рыцарь лежал подле его, запутанный своим щитом, панцирем, копьём, шпорами, и никак не мог подняться, валяясь на одном месте и сисясь освободиться, кричал он своим неприятелям:

— Труссы, не бегите! Не моя вина, что конь мой спотыкнулся, я бы наказал вас, дерзновенных.

Одному из конюхов, который не любил шуток, сии ругательства наскучили! Он подошел к лежащему рыцарю, отнял у него копьё, изломал его в куски и отвечал ударами на угрозы. Напрасно купцы кричали ему, чтобы не бил так сильно; молодой человек их не слушал, продолжал и не прежде кончил игру свою, пока не искрошил всех обломков копьё поодиночке. После того догнал своих товарищей, а рыцарь, оставшись один, тщетно силился подняться; после побой это не сделалось легче, и он лежал на месте, радуясь, что сему несчастью, которому столько рыцарей подвергались, не он, а конь его был причиною.

ГЛАВА V

Что последовало с героем после его несчастья

Бедный Дон Кишот, видя, что нельзя ему ничем двинуться, прибегнул к обыкновенному своему лекарству; начал искать в своей памяти какого-нибудь рыцарского анекдота¹¹⁸, отвечающего его положению. Он не нашел ничего сходнее приключения Бодуэня с маркизом Мантуанским, его дядею, когда последний находит первого в горах, покрытого ранами, обгащенного своею кровью — история, известная и старым, и малым, и столь же достоверная, как и чудеса Магомедовы. Мудрено ли, что наш рыцарь ее вспомнил? Он начал кататься по земле со всеми знаками отчаяния и повторять жалостным голосом:

*Красавица, я умираю!
Ах! Сжался над моей судьбой!
Тебя в час смерти призываю!
Блажен, когда любим тобой!
Почтенный рыцарь Мантуанский,
Родня и благодетель мой...*¹¹⁹

В то время, как он произносил последние стихи, один земледелец из его деревни, отвозивший хлеб на мельницу, ехал по дороге и, приближась к сему человеку, который казался в отчаянии, спросил, какое

СОДЕРЖАНИЕ

ДОН КИШОТ ЛАМАНХСКИЙ. СОЧИНЕНИЕ СЕРВАНТА

Переведено с французского Флорианова перевода В. Жуковским

Предисловие	11	473
Жизнь и сочинения Серванта	13	474
Жизнь Серванта	15	474
Сочинения Серванта	21	478

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Том первый

От сочинителя	27	480
Глава I. Характер и упражнения славного Дон Кишота	30	481
Глава II. Первый выезд Дон Кишота	33	483
Глава III. Герой наш посвящен в рыцари	36	483
Глава IV. Приключения нашего рыцаря по выезде его из трактира	40	484
Глава V. Что последовало с героем после его несчастья	44	484
Глава VI. Священник и цирюльник в библиотеке нашего дворянина	47	485
Глава VII. Второй выезд Дон Кишота	50	487
Глава VIII. Страшное приключение с ветряными мельницами	53	487
Глава IX. Конец страшного поединка между бискайцем и Дон Кишотом	58	487
Глава X. Разговор Дон Кишота с оруженосцем	60	488
Глава XI. Дон Кишот у пастухов	62	489
Глава XII. История Марселлы	65	490
Глава XIII. Дон Кишот едет на погребение Хризостомово	68	490
Глава XIV. Конец истории Марселлы	71	491
Глава XV. Печальное знакомство	75	493
Глава XVI. Приключение на постоялом дворе	78	493
Глава XVII. Продолжение подвигов рыцаря и оруженосца на постоялом дворе	82	

Том второй

Глава XVIII. Разговор наших героев и другие важные происшествия	89	494
Глава XIX. Странная встреча	93	495
Глава XX. Удивительное приключение	97	495
Глава XXI. Мамбринов шлем	103	496

Глава XXII. Рыцарь возвращает свободу некоторым людям, которых вели насильно в такое место, куда им идти не хотелось	109 496
Глава XXIII. Удивительные приключения в Сиерре Морене	114 496
Глава XXIV. Продолжение удивительных приключений в Сиерре Морене	119 497
Глава XXV. Подражание горному красавцу	123 497
Глава XXVI. Дон Кишот-пустынник	129 497
Глава XXVII. Важное происшествие	134 498
Глава XXVIII. Нечаянность	140 499
Глава XXIX. Конец Дон Кишотова искуса	145 499

Том третий

Глава XXX. История принцессы Микомиконы	153 499
Глава XXXI. Интересный разговор между рыцарем и оруженосцем	156 500
Глава XXXII. Приезжает в трактир	160 500
Глава XXXIII. Безумное любопытство. Новость	162 500
Глава XXXIV. Продолжение новости	166
Глава XXXV. Ужасное сражение. Победа	170 501
Глава XXXVI. Важные приключения в трактире	174 501
Глава XXXVII. Продолжение приключений знаменитой принцессы Микомиконы	178 501
Глава XXXVIII. Дон Кишот говорит речь	181 501
Глава XXXIX. История пленника	183 501
Глава XL. Продолжение истории пленника	185 502
Глава XLI. Конец истории пленника	188 502
Глава XLII. Еще встреча	195 503
Глава XLIII. Молодой погонщик мулов	198 503
Глава XLIV. Приключение за приключением	204
Глава XLV. Узнают, что такое Мамбринов шлем и конское седло, превратившееся в ослиное	208 504
Глава XLVI. Герой наш очарован	210 504
Глава XLVII. Та же материя	213 504
Глава XLVIII. Продолжение разговора между священником и монахом	217 505
Глава XLIX. Ученый разговор между Дон Кишотом и монахом	219 506
Глава L. Ужасное происшествие	221 506

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Том четвертый

От сочинителя	227 506
Глава I. Как священник и цирюльник обходились с Дон Кишотом	229 507
Глава II. Посещение Санки Пансы	232 507
Глава III. Разговор между бакалавром, Дон Кишотом и Санкою	234 507

Глава IV. Продолжение разговора	236 507
Глава V. Спор Санки с его женою	238 508
Глава VI. Тайный разговор между рыцарем и оруженосцем	241 508
Глава VII. Дон Кишот едет к принцессе Дульцинее	244 508
Глава VIII. Дульцинея очарована	247 508
Глава IX. Приключение с колесницею смерти	251 509
Глава X. Рыцарь Зеркала	254 509
Глава XI. Разговор между оруженосцами	258 510
Глава XII. Рыцари ссорятся и дерутся	261 510
Глава XIII. Кто таковы рыцарь Блестящих Зеркал и оруженосец его	267
Глава XIV. Встреча героя с ламанхским дворянином	268 510
Глава XV. Неоспоримое доказательство, что не было, нет и не будет рыцаря неустрашимее Дон Кишота	274 511
Глава XVI. Рыцарь в гостях у дон Диго и некоторые глупости	280 511
Глава XVII. История влюбленного пастуха	284 512
Глава XVIII. Гамахова свадьба	288
Глава XIX. Продолжение	292 513

Том пятый

Глава XX. Монтесиноская пещера	299 513
Глава XXI. Дон Кишот рассказывает о чудесах, виденных им в Монтесиносской пещере	303 513
Глава XXII. Подробности смешные, но весьма нужные	306 514
Глава XXIII. Освобождение Мелизандры	311 514
Глава XXIV. Конец истории об ослах	316
Глава XXV. Некоторые подробности	319 514
Глава XXVI. Очарованная ладья	321 515
Глава XXVII. Встреча	323
Глава XXVIII. Важные дела	326 515
Глава XXIX. Ответ Дон Кишота священнику и некоторые другие происшествия	331
Глава XXX. Разговор герцогини с Санкою	335
Глава XXXI. Важное происшествие в лесу	338 515
Глава XXXII. Предлагают средства уничтожить очарование Дульцинеи	342 515
Глава XXXIII. Письмо Санки к Терезе и другие приключения	345 518
Глава XXXIV. История Долориды	348 518
Глава XXXV. Долориду избавлена от бороды	352 520
Глава XXXVI. Совет Дон Кишота губернатору Санке	357
Глава XXXVII. Санко отправляется на свой остров. Чудное приключение с рыцарем	361 521

Том шестой

Глава XXXVIII. Санко — губернатор	367 524
Глава XXXIX. Беды за бедами	371 524
Глава XL. Губернаторство Санки Пансы	373 525
Глава XLI. Посещение	378 525
Глава XLII. Санко осматривает свои владения	382
Глава XLIII. Прибытие паж герцогини в дом Терезы Пансы	384 526
Глава XLIV. Возвращение паж	389 526
Глава XLV. Славный конец губернаторства Санки Пансы	391
Глава XLVI. Что приключилось Санке дорогою	395
Глава XLVII. Дон Кишот оставляет герцогский замок	398 526
Глава XLVIII. Приключение за приключением	400 526
Глава XLIX. Маленькая ссора	404 527
Глава L. Странная встреча	406 527
Глава LI. Принятие нашего героя в Барселлоне и очарованная голова	410 527
Глава LII. Самое неприятное для нашего рыцаря приключение	412 528
Глава LIII. Кто таков рыцарь Светлой луны. Отъезд Дон Кишота и его новые планы	415 528
Глава LIV. Как Санко уничтожил очарование Дульцинеи	418 528
Глава LV. Прибытие Дон Кишота в деревню. Его болезнь и смерть . .	420 528

ПРИЛОЖЕНИЯ

<i>Багно В. Е.</i> Жуковский — переводчик «Дон Кихота»	429
<i>Айзикова И. А.</i> Стих и проза в переводе В. А. Жуковского «Дон Кишот Ламанхский»	449
Примечания	467
Условные сокращения	530